

Мухаев Рашид Тазитдинович — доктор политических наук, профессор кафедры политологии и социологии Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. Адрес: 117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер, д. 36. Тел.: 8-916-261-66-00. Эл. адрес: muhaev_r@mail.ru

Mukhaev Rashid Tazitdinovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics. Postal address: 36, Stremyanny lane, Moscow, Russian Federation, 117997. Tel.: 8-916-261-66-00. E-mail: muhaev_r@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2022.2.16

Правовые лакуны журналистики в императивном измерении

П. Н. Киричѐк

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье рассматриваются правовые лакуны в повседневной деятельности современной российской журналистики, которая постепенно осваивает юридические, в дополнение к моральным, основы профессионального творческого поведения. Этот сложный процесс характеризуется наличием не только ростовых «точек», связывающихся с умножением позитивного креативно-деятельного ресурса отечественной журналистики, но и проблемных «узлов», выражающихся в частых конфликтах структур прессы с органами власти, общественными институтами, группами лиц и отдельными гражданами.

Правовые проблемы в триаде отношений «власть — пресса — народ» обычно возникают на почве юридической недостаточности установленных обществом и государством «правил игры» для субъектов публичной сферы, их длительной неизменности, а также слабой их освоенности производителями, распространителями, потребителями потоков массовой информации. В этой связи встает вопрос о частичной реконструкции текста Закона РФ «О средствах массовой информации» с внесением в него корректирующих поправок.

Ряд статей этого закона, с одной стороны, ограничивают информационно-коммуникационные возможности отечественной прессы в организации для граждан и чиновников широко развернутого управленческого дискурса; с другой стороны, они оставляют в состоянии двусмысленной неопределенности отдельные конкретно-практические вопросы журналистской деятельности в пределах ее свободы и ответственности.

Ключевые слова: общество; государство; журналистика; пресса; информация; право; закон; мораль; аудитория; фильтры; механизмы

ВВЕДЕНИЕ

К сегодняшнему дню отечественная журналистика обрела новый опыт профессиональной творческой деятельности, который складывался на диалектическом синтезе общественной морали и государственного права. Известно, что второго (юридического) основания до 1991 г., когда начался отсчет постсоветского периода истории страны, наша пресса для работы не имела. И по этой причине она

не обладала четко выраженным юридическим статусом как социальный институт, наделенный демократически обсужденными и официально утвержденными полномочиями и обязанный вступать в информационно-коммуникационные отношения с другими субъектами по определенным в обществе «правилам игры».

Преодоленный российской журналистикой правовой рубикон позволил ей занять более устойчивые, чем прежде, социально-политические позиции в общественной жизни, повысить организационную планку профессиональной деятельности в границах свободы и ответственности за написанное, сказанное, показанное в публичной сфере, увеличить творческий ресурс позитивного влияния на качество труда, быта, досуга граждан. Но определенность, даже юридически закрепленная, не может быть раз и навсегда заданной и неизменной, ведь она постоянно подвергается серьезным испытаниям социальной практики, которая востребует по необходимости назревающие изменения в любом общественном катехизисе. В том числе — в Законе РФ «О средствах массовой информации».

ПРАВИЛА ИГРЫ

Треть века назад в российской журналистике произошел цивилизационный прорыв — после долгих лет она получила юридическую основу профессиональной деятельности. Если не брать в расчет всевозможные правовые медиапаллиативы прошлых эпох, не сыгравшие значительной роли в обретении отечественной журналистикой де-юре гарантированной свободы слова, поскольку они касались в основном цензурного фактора, то именно конец 80-х и начало 90-х гг. XX в. явили нашей стране феномен массово-информационного права. Последнее, по точному историческому наблюдению, «относится к тем редким отраслям российского законодательства, чья дата рождения может быть названа абсолютно точно. До 12 июня 1990 г. в нашей стране не существовало не только такой отрасли, но и вообще какого-либо правового акта, который регулировал бы общественные отношения, непосредственно связанные с организацией и деятельностью СМИ» (Федотов, 2002: 45). Как шутили тогдашние журналисты, изо всех сил приближавшие демократические перемены в стагнировавшем советском обществе, отечественная пресса, до сих пор стоявшая на одной — этической — ноге, наконец-то обрела и вторую — правовую — ногу.

В самом деле, для любой социально значимой деятельности, тем более публичной, у всех на виду заявляющей интересы многих граждан и целых слоев населения, каковой является журналистика, в обязательном порядке требуются установленные обществом четкие правила игры. И не только моральные, которые практиковались в советское время, но и юридические. Не сходящая с повестки дня проблема: что «льзя», а что «нельзя» (антиномия П. П. Ершова из сказки «Конек-Горбунок») делать, вооружившись пером, камерой, микрофоном с целью сочинения информации для всех, — неизбежно ставила вопрос об оформленных правовым языком границах позитивного (доброе, разумное, вечное) и негативного начал (злого, неразумного, суетного) в пределах журналистской профессии. Морально-абстрактная размытость этих границ, свойственных профессий, предметом которых является человек, его сознание и поведение, а также здоровье физическое, нравственное и психическое, заметно ограничивала: со стороны общества — ресурс регуляции журналистской деятельности, а со стороны прессы — арсенал ее саморегуляции.

И вот свершилось — российская журналистика получила именной Закон РФ «О средствах массовой информации» и приложенный к нему правовой статус в обществе с юридически зафиксированными полномочиями прессы и должными для их практического исполнения правами и обязанностями, обусловленными генерализованным ее целеполаганием (миссией, предназначением). В согласии со случившимся конкретно-историческим актом журналистика определилась в качестве легитимизированного общественного института как особой формы социальной практики со свойственными ей рабочими профилями, структурами, кадрами, материальными, техническими, финансовыми ресурсами. И за прошедшее с того единичного момента время в стране уже сформировалась целостная система массово-информационного права «как совокупность норм, регулирующих общественные отношения, которые возникают в связи с созданием, распространением и использованием материалов средств массовой информации» (Рихтер, 2014: 6).

Реальное освоение нового социального положения отечественной журналистикой в целом позитивно сказалось, во-первых, на инструментально-функциональном ее потенциале как «четвертой власти», непосредственно не зависящей от первых трех — законодательной, исполнительной, судебной — ветвей, и во-вторых, на качественном уровне двух главных составляющих повседневной медийной деятельности — проблемно-тематического контента и семантико-стилистического формата. Всему этому способствовала «нормативно-правовая база функционирования средств массовой информации, сложившаяся за последнее время в России, она создает благоприятные, как никогда ранее, условия для их активного и социально полезного взаимодействия с внешней средой... Не было в отечественной истории периода, когда бы существовала если не идеально стройная система информационного права, то, во всяком случае, гигантская совокупность взаимосвязанных юридических актов... Журналистам законодательно предоставлены многочисленные права и гарантии, необходимые для организации производственной жизни редакций» (Корконосенко, 2001: 217).

Без сомнения, взятый отечественной прессой на вооружение правовой, наряду с этическим, модус развития журналистики в постиндустриальном обществе обещает ей новые креативные успехи в отправлении социальной миссии — аккумуляции добра и аннигиляции зла — и производных от нее основных функций — информирования, коммуницирования (посредничества), регулирования. Связь здесь прямая: прогресс медиаиндустрии является необходимой предпосылкой для дальнейшего экономического, политического, культурного продвижения социума, невозможного без повседневной и всесторонней информационной подпитки всех сфер жизнедеятельности граждан, поскольку «сегодня информация является великой силой. Именно поэтому доступ к ней становится важнейшим фактором демократизации общества. Действия общества, поступки людей во многом определяются тем объемом и качеством информации, которую они получают. Голодный информационный паек часто приводит к ложным и нелепым представлениям о мире, а это ведет к ложным поступкам, к ложному поведению» (Засурский, 2007: 12–13). И наоборот, достаточный объем и хорошее качество получаемой гражданами публичной информации как нельзя лучше способствуют прогрессивным переменам в экономике, политике, культуре страны и позитивным изменениям в труде, быту, досуге граждан, на основе чего в социуме формируется духоподъемный модус общественного, группового, индивидуального сознания и поведения.

ГРАЖДАНСКИЙ ДИСКУРС

Про закон нельзя сказать, что это не догма, а руководство к действию. С позиций правоприменения он больше следует нормам метафизики, чем правилам диалектики. И здесь проявляется главное достоинство любого закона — рациональное постоянство, позволяющее в границах правовой регуляции исключать возможный хаос в отмеренном ему сегменте жизнеустройства и поддерживать в нем должный порядок. Но определяющая константность закона вовсе не означает, что в его тексте, даже новейшем, с учетом последних поправок, не возникает со временем «белых пятен», которые обнаруживаются в процессе идущей вперед социальной практики. В этом случае текст закона требует в рамках правотворчества серьезных научных осмыслений и новых конструктивных доложений. Естественно, не избежал такой участи и Закон РФ «О средствах массовой информации», который за 30 лет, с учетом внесенных в него корректировок, по сравнению с первой принятой российским парламентом редакцией как минимум вдвое увеличил свой объем, в основном за счет новейшего юридического ряда, регулирующего деятельность электронной и сетевой прессы.

Тем не менее правовые лакуны в законодательстве, фундамирующей сферу массовой информации, были, есть и будут — в частности, в тех положениях, где в компетенции журналистов допускается, с одной стороны, перебор прав (свободы писать, говорить, снимать) и, с другой стороны, недобор обязанностей (ответственности за написанное, сказанное, показанное), как это проглядывает, например, в статье 42 «Авторские произведения и письма»: «Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не вправе обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом» (Закон, 2020: 47). Это категорическое утверждение полной правовой «независимости» массмедиа от нерыночных контактов с населением, которые в данном случае сводятся к односторонней информационной интенции массмедиа в адрес неопределенной аудитории без гарантии обратной реакции, фактически нивелирует особо важную — коммуникативно-посредническую — роль журналистики в системе «общество — пресса — государство».

При таком априори допускаемом разрыве социальных связей медиасфера лишается демократической основы: журналисты становятся монопольными производителями социальной информации, а граждане низводятся до пассивных ее потребителей. Любое их поползновение на роль производителя информации с ее трансфером в учреждения массмедиа (кроме требования об опровержении) может быть с порога отвергнуто даже по личному недовольству или капризу журналистов: к примеру, письмо с «невыгодной» для редакции критикой органа власти или бизнес-структуры будет выброшено в корзину для мусора, и никто из служителей прессы за этот проступок не понесет никакого порицания.

Заложенная 30 лет назад, юридическая «необязательность» обратной для прессы связи с населением в нынешний период развития страны становится правовым анахронизмом, который негативно сказывается на социальной эффективности массовой коммуникации и лишает гражданское общество сильнодействующего инструмента управления и самоуправления. А государство в этом случае практически лишается публичного механизма организации управленческого дискурса в качестве

«технологии коммуникативного взаимодействия различных социальных групп, объектов и субъекта власти, который пронизывает все сферы и уровни в системе отношений общества и государства, является системообразующим, выступает стратегическим ресурсом государственного управления» (Шилина, 2011: 254).

Информационное действие журналистики без аналогичного взаимодействия с аудиторией делает структуру прессы кантовской «вещью в себе», которая полагается только на умение и разум собственных служителей и заполняет медиaproстранство мыслями и чувствами узких групп литературно одаренных (в лучшем случае!) специалистов. Но ведь они при всех их природных талантах и университетских дипломах даже физически не смогут выразить исключительно широкое многоголосие современной общественной жизни. Между прочим, это многоголосие, в лице порождающих его граждан страны, имеет конституционное право на реальную заявку, в том числе в публичной сфере: «Каждому гарантируется свобода мысли и слова... Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» (Конституция, 2020: 10). Но каким образом в реальности, помимо вольных кричалок в кампанийских гайд-парках, воспользоваться этой самой гарантией свободы мысли и слова, если главный их аккумулятор и демонстратор — система средств массовой информации — не наделяется на законном основании обязанностью устанавливать и поддерживать дискурс с гражданами на волнующие их темы и проблемы?!

Да, прошлое не всегда бывает хуже настоящего — это к тому, что нужно вернуться к прежнему порядку работы журналистов с письмами читателей, слушателей, зрителей, какой существовал в стране до 1991 г., когда они приравнивались к обращениям граждан в органы власти и подлежали рассмотрению с обязательным принятием мер и ответом по существу в течение одного месяца. Кстати, тогдашние журналисты в этой законной обязанности не усматривали ничего излишнего и тем более зазорного, так как они хорошо понимали свою социально-экономическую зависимость от граждан, содержавших прессу на собственные налоги, а потому имевших право на ее услуги быть самим прочитанными, услышанными, увиденными. Опять же расчет граждан на помощь со стороны прессы был порой более ожидаемым, чем даже со стороны власти. Кроме того, журналисты через почту читателей, слушателей, зрителей улавливали идущие «снизу» сигналы о характере массовых настроений, получали дополнительные объективные сведения о происходящем в действительности и часто находили в поступавших письмах интересные темы и сюжеты для своих произведений.

Ну и сегодня, для того чтобы отечественная журналистика не роняла разумные слова, впечатляющие кадры, красноречивые цифры, полезные суждения в социальную пустоту, без каких-либо шансов на обратную конструктивную связь, а сама пресса не являлась бы для граждан лишь источником информации, без реальной возможности публично заявить свой интерес, следует внести в статью 42 Закона РФ «О средствах массовой информации» (Закон, 2020: 47) две существенные поправки:

а) из части 3 исключить слова: «Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение»;

б) добавить часть 4 в эту статью, выраженную словами: «Письма граждан, поступающие в государственные и местные (печатные и электронные) средства мас-

совой информации, где учредителем (соучредителем) является государственный орган власти или орган местного самоуправления, считаются (в случае их неанонимности) обращения граждан в официальные инстанции и подлежат рассмотрению в утвержденные соответствующим законом сроки. Возможная пересылка государственными средствами массовой информации поступивших писем гражданам органам, организациям и должностным лицам с целью принятия мер и оказания гражданам помощи приравнивается к запросу на информацию (в соответствии со статьей 39 настоящего закона)».

КОЛЛИЗИИ СВОБОДЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Реверсивное движение в социальной практике — явление не редкое, обусловленное общественной необходимостью, и его проводнику (реализатору) не надо бояться прослыть ретроградом. При юридической модернизации сигнальной системы государства о благополучии или неблагополучии в общественной жизни не следует отказываться от успешно работавших ранее правовых механизмов — в порыве к новому с отказом от старого тоже возникают лакуны, как, например, в статье 4 «Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации» того же закона. Безусловно, эта статья, по сравнению с первоначальным вариантом, получила целый комплекс нужных поправок, связанных с пропагандой терроризма, психотропных и психоактивных веществ, проведением контртеррористических операций, правонарушениями среди несовершеннолетних, изготовлением взрывчатых устройств, информацией об алкогольной и спиртосодержащей продукции, материалами с нецензурной бранью.

Конечно, все эти доволжения в закон не вызывали возражений, поскольку они обусловливались судебно-журналистской практикой, но появился другой вопрос: по какой причине из обновленного текста данной статьи законодатели исключили прежде существовавшее важное положение, несшее негативную юридическую ответственность, а именно: «призыв к захвату власти, насильственному изменению конституционного строя и целостности государства» (Закон, 2020: 6–8)! И не стоит ли вернуть его обратно в текст закона, ведь теперь, пользуясь отсутствием такого запрета, какой-нибудь диссидент может, не опасаясь, сказать по телевидению или радио на всю страну, как это делал в начале 1990-х гг. один депутат-священник, что если Россия добровольно отдаст Японии Южно-Курильские острова, то она совершит богоугодное дело, а теле- и радиоканалы при этом тоже не понесут никакой ответственности...

К слову, об ответственности, этой правовой и этической категории журналистики, примыкающей к свободе массовой информации и не менее значимой, чем последняя, хотя как раз об ответственности служителей прессы за результаты их деятельности инициаторы именного закона если и думали, то гораздо в меньшей степени. Действительно, это замечательно, что Закон РФ «О средствах массовой информации» с самого его зарождения принципиально выстраивался в демократической пропозиции, где, например, у журналиста изначально прав (двенадцать по счету) закладывалось больше, чем обязанностей (девять — теперь десять — по счету). Однако вполне естественное после долгих лет партийно-советского цензурного контроля стремление к наибольшей свободе массовой информации со стороны законодателей и стоявших за ними работников пера, камеры, микрофона в отдельных случаях оборачивалось наименьшей ответственностью и даже полным отсут-

ствием таковой даже в тех производственных ситуациях, где она востребовалась журналистской практикой. В этой связи вызывает сомнение юридическая основательность следующего положения статьи 57 «Освобождение от ответственности» Закона РФ «О средствах массовой информации»: «Редакция, главный редактор, журналист не несут ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь и достоинство граждан и организаций... 2) если они получены от информационных агентств» (Закон, 2020: 57).

Сомнительная правомерность этого положения вполне допускает возникновение масштабной рабочей коллизии, при которой подпадающие под законное осуждение негативные сведения, содержащиеся в подготовленных федеральными и региональными информационными агентствами материалах, приобретенных медийными структурами для массового распространения, получают множественное дублирование в печатных и электронных изданиях. Если учесть, что в России на 2018 г. зарегистрировались 21 448 газет и 28 872 журнала, 24 447 радиостанций и 2953 телестанции, то в случае попадания через материал информационного агентства означенного компромата или диффамации гражданина или организации в столь множественную публичную сферу худая слава о них может разнестись колокольным звоном по всея Руси. Конечно, не все печатные и электронные издания подписываются на готовую продукцию информационных агентств и тем более прямо их используют по назначению, но риск тотального мультимедийного очернения в прессе физического или юридического лица таким путем остается вполне вероятным. При этом отвечать за допущенное нарушение закона будет только одно агентство, а десятки или сотни фейковым образом подыгравших ему средств массовой информации почему-то остаются безнаказанными...

Поскольку статьей 23 того же закона информационные агентства, потерявшие прежний главенствующий (в советском периоде) медийный статус, в настоящее время фактически отождествляются со всеми без исключения средствами массовой информации, то само разделение ответственности между ними (для одних — больше, для других — меньше) теряет всякий смысл. В этой связи предлагается считать утратившей силу в статье 57 строку «2) если они получены от информационных агентств». По этой же причине следует считать утратившим силу в статье 57 целый пункт: «6) если они являются дословным воспроизведением сообщений и материалов или их фрагментов, распространенных другим средством массовой информации» и далее по тексту (Закон, 2020: 57).

Аргументы для внесения этих поправок в закон остаются прежними: нельзя устанавливать правовой диспаритет — одним журналистам нести ответственность за негативно содеянное, а другим за то же самое, но лишь (!?) повторенное, уходить от ответственности, прикрываясь «оплошавшими» коллегами. Да, есть у журналиста право «проверять достоверность сообщаемой ему информации» (там же: 50), но есть у него и обязанность «проверять достоверность сообщаемой им информации» (там же: 52), так что пусть эти юридические положения станут абсолютными для соблюдения служителями прессы в границах производства и распространения собственной (журналистской) продукции.

По мере трансформации отечественного массово-информационного права последовательно изменялся блок фигурирующих в именном законе основных понятий. Не случайно статья 2 «Средства массовой информации. Основные понятия» за прошедшие 30 лет увеличилась с 12 до 18 положений. Однако и здесь существу-

ет лакуна — нет прямого обозначения рода профессиональной деятельности, подпадающего под действие этого закона, т. е. журналистики в целом. Правда, есть косвенное ее обозначение — через отдельно взятого субъекта этой деятельности: «Под журналистом понимается лицо, занимающееся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации, связанное с ней трудовыми или иными договорными отношениями либо занимающееся такой деятельностью по ее уполномочию» (там же: 4).

Но это обозначение носит скорее технический, чем социальный характер, составляющий «за кулисами» общественную значимость журналистики как деятельности, повседневно влияющей на судьбы и качество жизни больших групп людей. В этой связи возникает необходимость внести поправку в статью 2 данного закона, добавив в нее часть 3 в виде следующего положения: «Под журналистикой понимается профессиональная творческая деятельность по сбору, обработке и распространению социально значимой информации в печатной, электронной, цифровой прессе в целях самосохранения и развития общества на основе действующих в нем правовых норм и этических правил». Смысловое наложение этого определения на все остальные положения именного закона создает для последних более значимый социально-правовой контекст четко выраженным целеполаганием этой деятельности, а также юридической и моральной ее обусловленностью.

Как известно, свою нишу в сегодняшней медиасфере занимают информационные агентства, которые для всех разрядов СМИ могут выполнять тройную роль — партнера, помощника, конкурента. Основные точки пересечения этих двух профилей информационно-вещательной деятельности в обществе фигурируют в тексте Закона РФ «О средствах массовой информации» и получают правовое обоснование, в том числе на случаи возможных конфликтных ситуаций. Но если первый субъект взаимодействия в социально-технологической связке «средство массовой информации — информационное агентство» находит в именном законе всестороннее отражение, то второй субъект, хотя ему отводится специальная статья, не имеет здесь даже своего определения. По здравой логике и эту правовую лакуну, вносящую в юридический документ терминологическую недоговоренность, тоже надо устранить, для чего внести поправку в статью 23 Закона РФ «О средствах массовой информации» (Закон, 2020: 24), сделав первой ее частью следующее определение: «Под информационным агентством (национальным, специальным, региональным) понимается компания (учреждение, организация, предприятие), занимающаяся производством и распространением (на рыночных условиях) тематически универсальной и специализированной информации (преимущественно новостной) для средств массовой информации и отдельных целевых аудиторий».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Есть у российской медиасферы национальное правовое своеобразие: она допускает к существованию государственный тип учредительства — в отличие от западноевропейского и североамериканского модусов организации прессы, где структуры политической власти не имеют прямого выхода в информационное пространство в качестве учредителей (соучредителей) массмедиа. Больше того, исторический исток появления в России прессы — именно государственный (указ Петра I в 1702 г. об издании первой в стране газеты «Ведомости»). Неслучайно в новой

редакции Закона РФ «О средствах массовой информации» появилась статья 6.1 «Государственная информационная система» (Закон, 2020: 10). Но половинчатость ее содержанию придает отсутствие логически важного элемента — государственной информационной политики, которая выражает деятельную сущность указанной системы.

Для завершенности предлагается внести сюда поправку в виде второй части статьи со следующим определением: «Государственная информационная политика — совокупность целей, задач, направлений, средств, результатов реализации потребностей общества и интересов государства в информационной сфере жизнедеятельности страны». В самом деле, если вчера, занимаясь массово-информационным правотворчеством, законодатели сказали «А», то сегодня нужно сказать и «Б». И не стоит при этом обращать внимание на дежурные критические филиппики записных либералов — общественных деятелей и журналистов, которые абсолютно не приемлют понятие «государственная информационная политика» и всерьез считают ее превращенной формой цензуры над прессой...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Закон РФ «О средствах массовой информации» (2020). М. : Эксмо. 64 с.
Засурский, Я. Н. (2007) Искушение свободой. Российская журналистика: (1990–2007). М. : Изд-во Моск. гос. ун-та. 560 с.
Конституция Российской Федерации (с гимном России) (2020). М. : Проспект. 64 с.
Корконосенко, С. Г. (2001) Основы журналистики. М. : Аспект Пресс. 287 с.
Рихтер, А. Г. (2014) Правовые основы интернет-журналистики. М. : ИКАР. 488 с.
Федотов, М. А. (2002) Право массовой информации в Российской Федерации. М. : Международный. отношения. 624 с.
Шилина, С. А. (2011) Управленческий дискурс: роль в производстве коммуникативных отношений государства и общества // Казанская наука. №9. С. 253–255.

Дата поступления: 25.03.2022 г.

LEGAL GAPS OF JOURNALISM IN THE IMPERATIVE DIMENSION P. N. KIRICHYOK MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The article examines the legal gaps in the daily activities of modern Russian journalism, which is gradually mastering the legal, in addition to the moral, foundations of professional creative behavior. This complex process is characterized by the presence of not only growth “points” associated with the multiplication of the positive creative and active resource of domestic journalism, but also problematic “nodes” expressed in frequent conflicts between the press structures and authorities, public institutions, groups of people and individual citizens.

Legal problems in the triad of relations “power — press — people” usually arise on the basis of the legal insufficiency of the “rules of the game” established by society and the state for entities of the public sphere, their long-term immutability, as well as their poor mastery by producers, distributors, consumers of mass media flows. In this regard, the question arises of a partial reconstruction of the text of the Law of the Russian Federation “On the Mass Media” with the introduction of corrective amendments to it.

A number of articles of this law, on the one hand, limit the information and communication capabilities of the domestic press in organizing a wide-ranging managerial discourse for citizens and officials; on the other hand, they leave in a state of ambiguity certain specific practical issues of journalistic activity within the limits of its freedom and responsibility.

Keywords: society; state; journalism; press; information; law; legislation; morality; audience; filters; mechanisms

REFERENCES

Zakon Rossijskoj Federacii «O sredstvah massovoj informacii» (2020). M. : Eksmo. 64 p. (In Russ.).

Zasurskij, Ya. N. (2007) *Iskusbenie svobodoj. Rossijskaya zhurnalistika: (1990–2007)*. Moscow, Moscow State Univ. 560 p. (In Russ.).

Konstituciya Rossijskoj Federacii (s gimnom Rossii) (2020). Moscow, Prospekt. 64 p. (In Russ.).

Korkonosenko, S. G. (2001) *Osnovy zhurnalistiki*. Moscow, Aspekt Press. 287 p. (In Russ.).

Rihter, A. G. (2014) *Pravovye osnovy internet-zhurnalistiki*. Moscow, IKAR. 488 p. (In Russ.).

Fedotov, M. A. (2002) *Pravo massovoj informacii v Rossijskoj Federacii. Moscow, Mezhdu-narodnye otnosheniya*. 624 p. (In Russ.).

Shilina, S. A. (2011) *Upravlencheskij diskurs: rol' v proizvodstve kommunikativnyh otnoshenij gosudarstva i obshchestva. Kazanskaya nauka*, no. 9, pp. 253–255 (In Russ.).

Submission date: 25.03.2022.

Киричѐк Петр Николаевич — доктор социологических наук, профессор, академик Российской академии естествознания, профессор кафедры журналистики Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: 8 (499) 374-60-91. Эл. адрес: kpn54@yandex.ru

Kirichyok Pyotr Nikolayevich, Doctor of Sociology, Professor, Member, Russian Academy of Natural Sciences, Professor, Department of Journalism, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: 8 (499) 374-60-91. E-mail: kpn54@yandex.ru